

Памяти В.П.Зайцева

И я забыл, что честно пал в бою.

В 1983 году, после службы в Советской армии, у меня назревала газетная публикация в «Молодёжи Азербайджана». Но что-то не сцепилось, и товарищ Наташа, дабы подсластить горечь, позвонила в отдел поэзии «Литературного Азербайджана». Редакции большинства тогдашних журналов располагались на последнем пятом этаже крупнейшего здания на улице Коммунистическая 31/33. Вячеслав Петрович Зайцев в обыкновенном костюме выглядел моложе своих лет, я даже предположить не мог, что предо мной – офицер-фронтвик. Просмотрев мои стихи, он сказал: слабые, посоветовал больше читать современных поэтов – обычные универсальные советы, к которым я начинал привыкать. Вдруг Вячеслав Петрович похвалил одну мою строфу. Мы понимающе улыбнулись друг другу и расстались навсегда. Если б только я знал, с кем меня свела судьба! Через много лет пришло осознание: Зайцев – самый крупный русский поэт, когда-либо живший в Баку.

В 2005 году Республиканское общество «Содружество» проводило конкурс к 60-летию Победы; я редактировал и составлял итоговую книгу «Меч и перо» и включил в неё и стихи покойного Зайцева. «Интересно, – сказал Мансур Векилов, когда я преподнёс ему книгу. – Мы со Славой дружили. Мне казалось, все его стихи знаю, а вот эти вижу впервые. Откуда ты их выудил?»

Вячеслав Зайцев родился 8 февраля 1924 года в городе Москве, с шести лет жил в Баку. В Отечественную был тяжело контужен, воевал на Закавказском фронте в черноморских частях в звании гвардии-лейтенанта: «*Ты помнишь Керчь?/ Над проливом огненный смерч./ Помнишь каменный остов Ростова?*», «*я портянки выстирал на Шпрее*». Посвящение в гвардейцы произошло буднично: рябой сапёр назвал его героем и вручил значок, с которого со временем стёрлась позолота и потрескалась эмаль, да и никто не требовал торжественного строя, в военную страду – не до церемониалов.

В предгорьях Кавказа фронтовые дороги свели Зайцева с капитаном Зией Бунятовым – спали в одном окопе, по утрам адъютанты снимали с колышков прикрывавший их брезент и сливали накопившуюся за ночь воду. Через 20 лет будущий поэт посвятит будущему Герою Советского Союза, академику-арабисту, своему земляку поэму «Обелиск».

Окончив вечернюю среднюю школу, Зайцев учился на юридическом факультете Азербайджанского госуниверситета, но стал журналистом (газеты «На страже», «Молодёжь Азербайджана», «Бакинский рабочий»). С послевоенного времени начинается его поэтическое творчество. Книги: «Встреча с самим собой» (1961 г.), «Облака» (1965), «Отблеск» (1973), «Лирика» (1976), «Мгновенье надежды» (1982), «Рельсы сквозь годы» (1984»). Переводил и современную азербайджанскую поэзию. Член Союза писателей СССР с 1963 года. Зайцев легко и прочно вжился в азербайджанскую почву (и похоронен в 1990 году на старом бакинском христианском кладбище, возле Дома печати) – настоящий чемберкендский уркаган: по-южному горячий, не дурак выпить и поговорить за жизнь. Род Зайцевых – крестьянский, но и через эту сермяжную, незамысловатую правду, правду обыкновенного пехотного ротного из народа, бил благородный свет – так армейские погоны вдруг отсвечивают отблеском эполет.

Он часто ходил на вокзал провожать поезда. Об этой «дорожной» тоске хорошо написал Сиявуш Мамедзаде в стихотворении «Ночной звонок», посвященном памяти Вячеслава Зайцева, поэта и солдата:

*Бакинской ночью поздней
Меня просил и звал
Твой голос почти слёзный:
– Поедем на вокзал...
Я понял все по тону,
Я знал наверняка:
Тебя звала к перрону
Купринская тоска
Из тех времен старинных,
Из тех печальных снов,
Где шел на поединок
Поручик Ромашов.
Я понял, но мешала
Мне согласиться лень
Иль лишнего бокала
Нечаянная тень.
Я мямлил трезво что-то
Про час, жену и дом,
С резонною заботой
Тебя берег притом
От тишины вокзала,
От памяти седой,
Дымящейся устало
Разлукой и войной,
Мерцающей свеченьем
Прощальных горьких слёз,
Истаявших в вечернем
Мелькании колес,
Унесшихся куда-то,
Неведомо куда,
Где стонут виновато
И плачут поезда...
Я помню: ночью поздней...
Прости... Ведь я всё знал...
Твой голос почти слёзный:
– Поедем на вокзал...*

Эта «дорожная» тоска только отчасти «купринская» или «блоковская»: «О чём

грущу,/ Не спрашивай меня./ Я всё ещё, я всё ещё воюю,/ Я всё ещё не вышел из огня,/ И всё ещё над мёртвыми горюю». Фронтовое поколение больше не озабочивалось извечными вопросами: как быть? как уберечь от сделок совесть? – «Мне любые трудности/нынче нипочём», «Но в юности всё это решено./ И жизнь для нас – прочитанная повесть».

Таким он и запомнился: раскованной походкой идущий на сыром ветру, пытающийся на ходу прикурить сигарету, лёгкое пальто распахнуто, и кашне вьётся за плечом полосатым парусом.